

всн

Г 67.

Б. ГОРБАТОВ

Р32933

Юность
Стуцов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1944

Б. ГОРБАТОВ

ЮНОСТЬ ОТЦОВ

СЦЕНЫ

ИЗ ОДНОИМЕННОЙ ПЬЕСЫ

Сценарий

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

Г 67 + русск.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Пьеса Б. Горбатова «Юность отцов», поставленная в Московском театре имени Ленинского комсомола, пользуется огромным успехом у молодого зрителя. Пьеса правдиво и ярко рассказывает о героизме нашей молодежи в первые годы советской власти.

Издательство «Молодая гвардия» решило выпустить пьесу «Юность отцов» в сокращенном автором варианте для постановки самостоятельными кружками молодежи. Пьесе предпосылается статья художественного руководителя театра имени Ленинского комсомола И. Н. Берсенева, в которой руководители кружков найдут полезные советы и необходимые режиссерские указания.

К СВЕДЕНИЮ ПОСТАНОВЩИКА

Пьеса Б. Горбатова является первой частью задуманного автором большого произведения «Отцы и дети» — о двух поколениях комсомольцев: о тех, кто создавал комсомол в 1918 году, закаляясь в огне гражданской войны, и теперь, став уже людьми зрелого возраста, ведет основную работу в нашем государстве, и о нынешних комсомольцах, совершающих величайшие подвиги на фронте и в тылу, свято чтящих боевые традиции своих героических предшественников.

Первое основное требование к режиссеру и актерам — полная искренность, недопустимость театрального наигрышья (то есть притворства). В спектакле не должно быть ничего нарочитого, деланного, грубо подчеркнутого, дающего только внешнее изображение без определения внутренней сущности.

Что же является в приводимых ниже сценах из пьесы самым существенным для постановщика?

Сцена первая. 1918 год. Комсомольцы собираются в роскошном особняке, оставленном бежавшей буржуазной семьей, чтобы устроить здесь общежитие своей коммуны.

Кто они, эти юноши? Это подростки, дети рабочих и крестьян, смело ставшие в ряды бойцов, защитников революции. Они полны горячих порывов, увлечены революционной борьбой, новой раскрывающейся перед ними жизнью; они допускают порой кое в чем и перегибы, они не совсем еще подчас организованы, не всегда точно представляют себе задачи и цели, но всегда прямые, честные, беспредельно преданные революции, полностью отдающие ей все свои силы, всю свою жизнь. Они всё легко воспринимают, на все живо и горячо реагируют. Но они совершенно лишены грубости и расчетливости. Они всегда готовы к риску, к свершению героических поступков во имя революции. Они твердой походкой идут на смерть за правое дело.

В первой сцене старший в коммуне комсомолец Антон проверяет готовность Наташи Логиновой — девушки из интеллигентной семьи — к вступлению в комсомол. Эту сцену надо провести так, чтобы не получилось впечатления, что Антон запугивает Наташу. Надо дать зрителю ясно понять, что Антон чувствует себя ответственным за доверенное ему дело, что он не допрос ведет, а всерьез волнуется, проверяя Наташу.

В этой сцене также важно подчеркнуть смысл введения в пьесу такой фигуры, как мадам Обломов. Это — старая экономка; всю жизнь она провела в труде, отказалась от личного счастья и стала рабски прислуживать чужим и равнодушным людям. При появлении в доме комсомольцев она сначала растерялась и испугалась, но вскоре почувствовала человеческую правду в словах и поступках этих юношей, их теплое отношение к людям. Встреча с молодым комсомольским племенем перевернула

все ее мироощущение. И отсюда началась ее перестройка превращение рабыни в человека.

Роль Обломков надо играть очень серьезно, не стараться подчеркивать смешные стороны, не поддаваться соблазну впасть в шарж, что будет несомненной ошибкой актрисы.

В пятой сцене, происходящей в школе, важен рассказ Ефимчика о виденном им сне. В этом рассказе исполнитель роли Ефимчика и режиссер спектакля должны всячески уберечься от возможности внести в сцену рассказа сентиментальность слащавость. Здесь надо сохранить глубокую серьезность детокого, искреннего отношения Ефимчика к Владимиру Ильичу Ленину. Говорить о Владимире Ильиче он должен проникновенно. Ефимчика вообще надо играть во всех сценах серьезным, полным большого личного достоинства.

Сцена в общежитии, когда Антон объявляет о своей любви к Наташе и все члены коммуны, ошарашенные этим сообщением, считают необходимым «измену» Антона и Наташи обсудить на бюро, только тогда прозвучит верно, если исполнители будут играть убежденно и серьезно. При этом не исключается, что зритель на эту сцену будет реагировать смехом. Но этот смех не должен побудить актеров смешить нарочно. В этом случае получится грубое искажение жизненной правды, театральная фальшь. Люди покажутся нарочито глупыми, а не убежденными живыми людьми.

В последней сцене (в тюрьме) важно не допустить слезливости. Исполнители ролей не должны себя жалеть (то есть жалеть тех, кого они изображают). Они преодолевают страх смерти в мечте о будущей жизни, в

сознании того, какую помощь они оказывают своей борьбой для построения новой, счастливой жизни. И в этом они находят источник силы. Зрители должны им сочувствовать, покоренные их силой воли и мужества. А это будет невозможно, если внести в сцену сентиментальную слезливость.

Общий тон спектакля — сердечное, правдивое изображение людей, представляющих два поколения комсомольцев.

И. БЕРСЕНЕВ,

народный артист УзССР, заслуженный деятель искусств, художественный руководитель Московского театра имени Ленинского комсомола.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЕДУЩИЙ (*перед занавесом*).

Осенью 1942 года в землянке командира казачьей дивизии полковника Рябинина произошла странная встреча.

Сюда, на передний край, прибыла группа комсомолок для выполнения специального задания. Вглядевшись в старшую — Елену Логинову, полковник Рябинин, немолодой, хмурый человек, вдруг взволнованно воскликнул:

— Наташа!

— Я не Наташа... — растерянно ответила Елена.

— Как вас зовут? — нетерпеливо спрашивал Рябинин.

— Елена.

— Не то! Фамилия?

— Логинова.

— Ты? Ты? Аленушка? — И полковник вдруг бросился к ней, обнял и поцеловал.

— Но я... я вас совсем не знаю, — изумленно бормотала Елена.

— И я тебя не знаю! — смеясь, ответил взволнованный полковник. — Но я очень хорошо знал Наташу Логинову.

— Маму?

Рябинин всмотрелся в лицо девушки, и в ней, в дочери, узнал мать, светлую, ясную Наташу, комсомолку времен гражданской войны, девушку, которую он всю жизнь любил, и ни разу о своей любви не сказал ей.

— Расскажите о маме! — тихо попросила Елена. — Ведь я ее никогда не видела.

— Рассказать о Наташе Логиновой? — усмехнулся Рябинин. — Это долгий рассказ. Это значит о всех нас рассказать, о всем нашем поколении. О том, почему мы были такими... Как жили, как любили...

Но девушки попросили его, и он начал свой рассказ.

Перед нами проходят картины горячего восемнадцатого года... Юг России, немецкая оккупация... Молодой красноармеец Рябинин в бреду лежит в незнакомой ему комнате, а над ним склоняется незнакомая девушка с каштановыми косами, гимназистка, дочь врача Наташа Логинова...

В бреду проходит эта сцена... Рябинин и лица Наташи не запомнил. Он и не услышал,

как, склонившись над его беспомощным телом, жарко спорит Наташа с отцом, как рвется она в революцию, в борьбу... Не услышал этого Рябинин, не поверил Наташе и, оставшись один в комнате, озирается, как затравленный зверь, с трудом сползает с постели, подбирается к окну, распахивает его и — исчезает...

Поднимается занавес.

Зал богатого особняка. Потолок и стены расписаны масляными красками в стиле купеческого ампира: крылатые амурсы, купидоны, нимфы. Огромное венецианское окно из цветных стекол. Много стекол побито. Камин с изразцами. Остатки роскошной мебели. Выпотрошенные кресла. На паркетном полу обломки фарфора, стекла, соломки. Несколько пустых коек с соломенными тюфяками — следы постоя. Дверь в левом углу сцены, в виде арки, ведет на парадную лестницу. На улице у подъезда два каменных льва. На сцене пусто. Откуда-то глухо доносятся звуки военного оркестра.

На сцену вваливается шумная гурьба комсомольцев. Впереди Антон, размахивающий бумажкой, за ним Рябинин на костылях, Очкарь с папкой, Ефимчик в обмотках и с брезентовым портфельчиком, Федька. Даша и другие. Они в восторге останавливаются перед подъездом.

Антон (*тихо, восхищенно*). Ва-ажно! (*Нерешительно гладит морду льва.*) Ва-ажно! Душа из меня вон! (*Распахивает дверь, вбегает по лестнице.*)

Остальные бегут вслед за Антоном — вваливаются в зал.

Даша (*шепчет, сложив руки*). Красота какая! Я такого и не видала сроду...

Очкарь (*подходит вплотную к стене и, щурясь, разглядывает панно. Докторальным тоном*). Это Амур и Психея. Мифологический сюжет. Обычный для эпохи абсолютизма. Мы, разумеется, это замажем. И...

Антон (*яростно*). Я те замажу! Я те замажу, душа из тебя вон! Пускай и нам послужит буржуазная красота. Безумству храбрых поем мы песню! (*Оглядывается и восхищенно шепчет*.) Ва-ажно! Знаменито! (*Ко всем, размахивая ордером*.) Ну, подпольщики! Ну, мыши-товарищи! Вылезли, а? Безумству храбрых поем мы песню!.. Внизу у нас будет клуб, там центральный горком, а здесь мы жить будем коммуной.

Рябинин. Убрать все после немцев надо. Ишь, свиньи, какой дом запакостили! Немчура проклятая!..

Даша (*тихо*). Полы бы помыть надо.

Федька (*хмуро, враждебно*). Здесь немецкий штаб был. Мы на дверях еще листовки клеили. Помнишь? Тут отца моего кровь.

Ефимчик (*достает из кармана мелок и тараторно крупно пишет на дверях*). Коммуна номер... (*задумывается*) номер раз!.. (*Стряхивает мел с пальцев, усаживается на койку. Громко, ко всем*.) А эта койка — моя! (*Кладет на нее портфельчик*.)

Антон (*впервые заметив Ефимчика, удивленно*). Постой, постой!.. Да ты откуда взялся? Ты кто такой?

Ефимчик. Я Ефимчик. Ефим Иваныч.

Антон. Да к нам откуда попал?

Ефимчик. А я от эшелона отстал. Эшелон ушел, а я остался. Ну, все равно. Буду у вас жить. А эта койка — моя.

Антон. Ты комсомолец?

Ефимчик. Коммунист. В мировом масштабе.

Антон. А билет у тебя есть?

Ефимчик. Какой билет?

Антон. Какой, какой.. Комсомольский!

Ефимчик (*растерянно*). А билета у меня нет.

Антон (*смеясь*). Ну так какой же ты комсомолец без билета?

Ефимчик. Может, у папаньки мой билет? Мы с ним вместе ехали.

Общий хохот:

Ефимчик (*взбешенно, со слезами на глазах*). Чего ржете? Чего ржете?! Нет у меня билета. Не билетные комсомольцы бывают, а у кого сердце горячее. Я сам коммунист с семнадцатого года. Вместе с папанькой в ПУАРМе работал. Вот что!

Антон (*насмешливо*). Что же ты делал в ПУАРМе?

Ефимчик. А я все делал. Листовки таскал, газеты развозил. Меня, брат, все знают. А билета у меня нет. Я на билет плевал! (*Плюет.*)

Антон (*улыбаясь*). Ну ладно, Ефим. Кончено твое дело: остаешься у нас.

Ефимчик: То-то... А то билет... (Вдруг в спомнив, кричит.) Эй! Где там, которая из тюрьмы?! (Бросается к Даше, вытаскивает ее на середину.) Вот, товарищ Антон. Ее было вешать назначено, ну наши войска пришли — повешение, значит, отменяется. Я ее на улице встретил. Да вот она сама, повешенная. (К Даше.) Ты не робей. Ты говори. Это все наши ребята, народ — ничего...

Даша (смущена общим жадным вниманием). Да я... К Ленину меня ребята посылали за инструкцией. Да вот не дошла. Поймалась...

Антон. Куда ж ты к Ленину шла? Ленин в Москве.

Даша. Вот я и говорила ребятам: в Москве он. А Петро Кириченко говорит: не может Ленин в Москве сидеть. Он тут, на фронте. Найди и инструкцию получи.

Антон. Какую инструкцию?

Даша (вздыхнув). Комсомол мы хотели организовать в селе. А без инструкции как же? Без инструкции нам никак нельзя. И мужики не верят.

Антон (усмехнувшись). Инструкцию мы тебе дадим. Где ваше село?

Даша. За Днепром.

Антон. Не пройдешь за Днепр. Там гайдамаки. Придется тебе с нами жить.

Ефимчик (торжественно). Уступаю тебе, товарищ девушка, свою койку. Живи тут. (С со-

жалением оглядывает койку, берет портфельчик, вздыхает.) Ничего. Живи.

Из первой двери, озадаченный, возбужденный, вбегают
Борис Рагозин.

~~Борис~~. Товарищ Антон! Там... в дальней комнате... обнаружено мною... чучело... Сюда идет!

На сцену вбегают мадам Обломок — полубезумная, костлявая старуха. На голове у нее старомодная шляпка с перьями, на руках — длинные, по локоть, черные перчатки, из которых вылезают пальцы. Мадам Обломок в страшной ярости. Увидев скопище ребят, она, пораженная, останавливается. Общее недоумение.

Мадам Обломок. Из этого дома... вон!

Напор мадам Обломок так велик, что все ребята и даже товарищ Антон пятятся к дверям.

Антон (*растерянно*). Пойдите, пойдите... Вы кто? Вы хозяйка дома?.. Может, эта сама графиня?..

Мадам Обломок. Нельзя... Кто такие? Кто велел? Олимпиада Титовна... Ее степенство... Нельзя...

Антон. Пойдите, пойдите! Товарищ графиня, так нельзя. У нас ордер есть... губкома партии!

Мадам Обломок (*бессвязно выкрикивает*). Нельзя... Сам государь-император. Да! Купцы первой гильдии! Здесь князья! Здесь графья! Танцы, музыка... И сам тоже. Самолично. Наказали-приказали: «Дунечка, стереги! Ду-

нечка, сохрани! Как свой. Как собственный. Как законная наследница...» Нельзя! Мужики!.. Барыня не велит!..

Антон. Сумасшедшая она, что ли? Товарищ... мадам... Чорт ее знает, как ей сказать. Вы! Понимаете вы меня?

Очкарь. Типичный обломок абсолютизма.

Антон. Понимаете вы... мадам Обломок, что кончилась ваша власть. В городе советы. Вот у меня ордер губкома партии. Ваш дом теперь не ваш! Наш это дом.

Мадам Обломок. Не признаю... Господабога нашего признаю... *(Неистово крестится.)* Государя-императора нашего, помазанника божьего, признаю... *(Крестится.)* Господина околоточного надзирателя Павла Максимовича признаю... *(Крестится.)* Больше никого не признаю!

Антон *(возмущенно)*. Ну зачем вам такой большой дом? Даже стыдно. А мы тут, понимаешь, клуб устроим, коммунистической молодежи — безумству храбрых поем мы песню!

Мадам Обломок *(всхлипывая, выкрикивает)*. Олимпиада Титовна! Олимпиада Титовна!.. *(Опускается в кресло и плачет.)*

Ефимчик *(удивленно)*. Пла-ачет...

Даша *(сочувственно смотрит на нее, потом подходит, опускается рядом на стул)*. Тетечка! Вы женщина старая... одинокая...

Мадам Обломок. Одинокая... Ах-ах, одинокая...

Даша. Зачем же вам такой большой дом?

Мадам Обломок (доверительно). Мне в нем страшно...

Даша Ну вот. А мы вместе тут жить будем.

Мадам Обломок (растроганно). Да... да... Девушка... принцесса... Все уберем, вычистим. Как перед светлым воскресением. Прибавьте света! Пусть все люстры горят. Бал на двести персон. (Встает и, как птица, машет руками.) Кружева. Кружева. Тюль... Одного тюля двадцать аршин... Облака! Улетаю! (Взмахивает руками и в изнеможении падает.)

Все испуганно смотрят на нее.

Даша (вглядываясь в мадам Обломок). Она голодная!

Антон (недоверчиво). Голодная? М-да-а... (К ребятам.) Пожрать у нас нету ли?

Ефимчик (вздыхнув, раскрывает свой портфельчик и вынимает оттуда с десяток вобл и хлеб). А больше у меня ничего нет.

Мадам Обломок (очнувшись). Растерялась я. Совсем растерялась... Что вы смотрите на меня, господа? Мне стыдно...

Антон (смущенно). Конечно, товарищ графиня, вы к другой пище привыкли. Только извиняюсь, у нас больше ничего нет.

Мадам Обломок берет хлеб, целует его, начинает есть.
Все смотрят на нее.

Антон (проглотив слюну, Рябинину). Степан, ты случайно не помнишь: ели мы сегодня или нет?

Рябинин. Помню. Ничего не ели.

Антон. Да, да... То-то я и гляжу. Ну, давай. А?

Все садятся в кружок, делят и едят воблу.

Антон (*разрывая воблу*). Да, безумству храбрых поем мы песню. Начинаем большую жизнь, ребята! (*Многозначительно.*) Начинаем ковать историю.

Очкарь (*озабоченно*). Я уж составил для работы нашего клуба программу-максимум и программу-минимум. Мною предусмотрены... (*достаёт из кармана бумажку*) лекции о происхождении человека, о первобытном коммунизме, о пролетарской культуре, о...

Антон (*насмешливо*). Та-ак... А о млекопитающих будет?

Очкарь (*опешив*). А что? Надо?..

Общий смех.

Антон. Эх, Очкарь, Очкарь!..

Федька (*хмуро*). Не нравится мне этот буржуазный особняк. Нам тут делать нечего. Нам в рабочие районы перебираться надо.

Антон. Это зачем же?

Федька. К своим поближе.

Антон. Эх, Федя! Мы главную улицу завоевали, а ты все на Собачевку тянешь.

Рябинин. А я считаю — главное сейчас помочь фронту. Хотя бы бельем.

Антон (*удивленно, насмешливо*). Бельем?

Рябинин. А ты знаешь, что такое чистое белье бойцу?

Антон. А ты знаешь?

Рябинин. Я-то знаю. Меня вошь ела.

Антон (*насмешливо*). Та-ак... Лекции о млекопитающих, белье, конура... Мелко вы плаваете, ребята. Не это главное.

Рябинин. А что ж главное?

Антон (*яростно разрывая воблу*). Полити-
кой заниматься будем, душа из меня вон, полити-
кой! Вот что главное! Декларацию выпустим ко
всей молодежи. Губернский съезд соберем. Де-
монстрацию. Речи. Чтоб почувствовали люди
нашу силу. Да мы... мы... мир перевернем! И всю
нашу губернию! (*Его глаза блестят, и он сей-
час очень красив.*) Не для того мы взяли власть
в свои руки, чтобы заниматься пустяками,
бельем... Не о том я мечтал в подполье. Бывало
в горькую минуту, когда потолок конспиратив-
ной квартиры на твоей груди лежит, как камень,
и шпоры за окном, и стук немецких сапог по
лестнице, а ты идешь по улице, прижимаясь к
заборам, — мечтал я об этом времени, ребята.
Мечтал я: встанем мы на площади... море го-
лов... флаги... музыка... Хозяева!.. И крикнем.
чтоб мир задрожал: «Шагай! Смело шагай, моло-
дой пролетарий! Шагай, твоя земля, твоя воля,
твоя власть! Шагай, безумству храбрых поем мы
песню!»

Комсомольцы, взволнованные речью Антона, стихают. За-
чарованный, Ефимчик слушает, разинув рот. Мадам
Обломок, поев, выходит.

А н т о н (*встряхнув шевелюрой*). Что же мы стоим без дела? Давай за работу! Федька! Ты — на заводы! Очкарь, ты берись за клуб. Борька, ты — в город, найди мастера, пусть сделает нам круглую печать, по всей форме. Без круглой печати горкомов не бывает! Рябинин, ты горком организуй.

Е ф и м ч и к. А мне что делать, товарищ Антон?

А н т о н (*с улыбкой*). Тебе? (*Задумался, хлопнул себя по лбу.*) Тебе, брат, большое дело. Клуб у нас есть, особняк есть, а пианины, простой пианины нет. С утра послал ребят, чтоб достали, — никто не достал.

Е ф и м ч и к. А где ж я пианину возьму, товарищ Антон?

А н т о н. По особнякам пошарь. Буржуазию за душу возьми... Действуй!

Е ф и м ч и к (*просияв*). Достану! Ей-бо, достану! (*Убегает.*)

А н т о н (*обводит всех горячим взглядом*). Ну, безумству храбрых поем мы песню... Пошли...

Комсомольцы с шумом уходят за ним. На сцене остаются Очкарь и Рябинин.

О ч к а р ь (*озабоченно*). Придется сразу же переделывать программу-максимум на программу-минимум... (*Достает из кармана пузырек с чернилами, огрызок карандаша, а из папки бумагу, садится и пишет.*)

Рябинин (молча смотрит в пол и после паузы). Я хотел тебя спросить, Очкарь, что оно значит слово «эс-те-тический»?.. А?

Очкарь (не отрываясь). М-м... Эстетика — это наука о красоте. А эстетический...

Рябинин ...Значит красивый. Так?

Очкарь. Н-не совсем так, но приблизительно... Я тебе потом все объясню, Рябинин.

Рябинин (задумчиво). Ишь ты! Хорошее слово! (С сожалением.) А я и не знал. (Задумался, молчит, а затем, не глядя на Очкаря.) Я сегодня утром у гимназеров был... на собрании. Бойскауты, маккабисты, анархисты, левые, правые эсеры... (Пауза.) Вскарабкался я на трибуну... и говорю: я к вам от Российского коммунистического союза молодежи-и-и! Какой тут поднялся базар! Кричат, свистят, крышками парт колотят. А я стою. У самого в груди такая злость бушует, такая, брат, злость! А я стою. Спокойно стою... Стою, будь ты проклят! И говорю им: а вам меня не перекричать! А я все одно не уйду! И вдруг, понимаешь, выскакивает откуда-то длинный такой, вихрастый, звонкий гимназер, в пенсне, и спрашивает меня: «А что такое комсомол? Это татарское слово, да? А каковы ваши взгляды? А что вы думаете о римском праве, а как вы смотрите на теологию, а каковы ваши эстетические идеалы?..» (Запнулся.) Ну, в общем, засыпал меня нерусскими словами. А я стою дурак дураком и глазами моргаю. (С горечью.) Конечно, какое у меня образование?

Приблизительное. Я все детство — в шахте. Коногон я, надо ж этому сочувствовать. А? Прямо из шахты — на войну. Конь у меня был, серый в яблоках. Кречетом звали. Эх, какой конь. Очкарь! (*Вдруг нахмурившись.*) А э-те-тический — я такого слова не знаю...

Очкарь (*сочувственно*). Значит, провалили тебя? Жаль. Надо было мне на это собрание пойти. (*Потирает руки*). Я бы их!..

Рябинин. Да, ошарашили меня... И вдруг... (*Его лицо светлеет.*) И вдруг выходит на трибуну девушка. Гимназистка. Светлая такая, красивая девушка. эстетическая, и нападает на них на всех. Нет, Очкарь, тебе никогда не сказать так, как она сказала. А-я гляжу на нее. Гляжу... И, понимаешь, кажется мне, будто я ее уж где-то видел... А где? Туман...

Очкарь. А ты подошел бы к ней, спросил.

Рябинин (*зло*). На костылях? Глупости ты говоришь, товариш

Затемнение.

СПЕНА ВТОРАЯ

В том же зале. Здесь Антон, Рябинин, Очкарь, Фелька, Даша и другие комсомольцы. Робко входит Наташа.

Наташа (*смущенно*). Здесь... комсомол?

Все удивленно смотрят на нее.

Рябинин (*Очкарю тихо, взволнованно*). Это она... та самая... гимназистка...

Очкарь протирает очки и смотрит на Наташу.

Наташа. Вот я пришла... к вам... в комсомол...

Антон (*оглядывает ее с ног до головы и отворачивается к ребятам*). Не примем.

Наташа растерянно застывает на месте.

Рябинин (*вспыхнув*). Это почему же?

Антон. Не примем. Точка. (*Шум на лестнице.*) Что там такое?

Борис (*радостно*). Пианину приволокли!

Антон. А! Тащи ее сюда! Сюда! Сюда!

Устанавливают пианино.

Наташа (*сквозь слезы*). Но почему, почему вы не хотите меня принять?

Антон. Нам барышень не надо.

Наташа (*вспыхнув*). Какое вы имеете право считать меня барышней?

Антон (*яростно*). Да вы знаете, барышня, куда вы проситесь?

Наташа. Знаю.

Антон. Комсомол есть союз отчаянных людей.

Наташа. Знаю.

Антон. Хорошо. (*Садится на пианино.*) А с чем ты идешь к нам? Через что ты идешь? (*Наташа растерянно глядит на него.*) Федька! Где твой отец, Федька?

Федька (*хмуро*). Нет отца... Ты же знаешь.
Антон.

Антон. Я-то знаю. Ты ей скажи, барышне...
(С силой.) Где твой отец, Федька?

Федька. Немцы отца расстреляли...

Антон (Наташе). Слышишь? (Обводит ребят взглядом, останавливается на Даше.) Ты откуда пришла к нам, Даша?

Даша (тихо). Из тюрьмы...

Антон (Наташе). Слышишь? На ней уже немецкая петля висела... Вот с чем идут в комсомол, барышня... Из подвалов мы идем. Из нищеты. Через муки. Покажи ей свои костыли, Рябинин. Покажи ей, этой барышне. (Пауза.) Вот мы комсомольцы какие! (Наташа опускает голову.) А ты с чем к нам пришла? (Наташа молчит.) У нас к тебе веры нет.

Пауза.

Рябинин (волнуясь). Эта девушка... одна... против всех... выступила в гимназии... Я ж тебе рассказывал, Антон.

Антон (удивленно). Это она? (Шум и голоса на лестнице). Что там такое?

~~Борис.~~ Еще одну пианину приволокли!

Вносят пианино.

Антон (отмахиваясь). Ладно, ставьте пока здесь. (Наташе.) Хорошо. Поговорим. Жених у вас, барышня, есть?

Наташа (краснея). Нет... Нету...

Антон. Ну, не жених — парень, в общем, есть? Дружья есть? Так вот бросить! Бросить!

Наташа (твердо). Брошу.

Антон. В бога веришь? В церковь ходишь?
Так вот — бога бросить!

Наташа. Брошу.

Антон. Отец, мать есть? Любишь? Так
вот — бросить, бросить семью...

Наташа. Но мой отец... он врач...

Рябинин (*вспомнив*). А-а!..

Все, кроме Антона, оглядываются на Рябинина.

Антон. Бросить! Бросить семью! 'Безумству
храбрых поем мы песню!

Наташа. Хорошо. Брошу.

Антон. Полы мыть пойдешь?

Рябинин. Зачем же ей полы мыть? Она
образование имеет.

Антон (*яростно*). Полы мыть! Самые гряз-
ные, самые вонючие! Пойдешь полы мыть?

Наташа. Пойду.

Антон. Жизни своей не пожалеешь?

Наташа. Не пожалею.

Антон. А на фронт? А если банды? А если
не устоит советская власть? Тогда продашь нас,
да? Продашь?

Наташа (*как клятву*). Нет.

Антон. На смерть пойдешь?

Наташа. Пойду.

Антон. На смерть?

Наташа. На смерть.

Антон. Точка! (*Вдруг широко и хорошо
улыбается Наташе, и его лицо опять стано-
вится очень красивым.*)

Входит мадам Обломок с огромной щеткой.

Антон (*Наташе*). А это у нас тут графиня одна... Вот познакомьтесь. (*Указывает на мадам Обломок.*) Графиня.

Наташа (*удивленно*). Здравствуйте, Евдокия Петровна! (*Улыбаясь*). Какая же это графиня? Это Евдокия Петровна, экономка купчихи Распоповой.

Мадам Обломок (*радостно*). Барышня! Наташенька!.. Господи боже ты мой!..

Общее удивление.

Мадам Обломок (*Наташе сбивчиво*). Олимпиада Титовна-то уехали... совсем уехали... А меня бросили... и весь дом на меня... По завещанию... А зачем мне такой большой дом? Мне в нем страшно. Мне б около людей жить, мне к человеку прислониться... (*Припадает к плечу Наташи.*)

Шум на лестнице. Вбегает радостно возбужденный
Ефимчик.

Ефимчик (*кричит с порога*). Достал! Достал!

Антон. Чего достал?

Ефимчик (*обводит взглядом выстроившиеся в ряд пианино и упавшим голосом*). Пианину достал.

Хохот.

Антон. Волоки сюда! Потом разберемся! (*К Наташе.*) Товарищ, вы играть на этом инструменте умеете?

Н а т а ш а (*улыбаясь*). Умею... немного...

А н т о н. Сыграйте! Безумству храбрых поем мы песню! Пусть гремит музыка в нашей коммуне!..

Е ф и м ч и к (*подхватывает*). В коммуне номер раз!

Н а т а ш а (*играет и запекает*).

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради вольного труда...
Ради вольности высокой
Собрались мы сюда...

З а н а в е с.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Возле особняка. Подъезд со львами. У подъезда, подняв воротник пальто, стоит Николай Сергеевич Логинов. Входит Рябинин (на костылях) и, не обратив внимания на Логинова, направляется к двери.

Л о г и н о в (*окликая Рябинина*). Молодой человек! Э... Пойдите... (*Рябинин удивленно оборачивается*.) Вы сюда идете?

Р я б и н и н. Да.

Л о г и н о в (*небрежно*). Значит, вы... как это называется... комсомолец?

Р я б и н и н. Да.

Л о г и н о в (*небрежно*). Возможно, вы знаете... Наташу Логинову?

Р я б и н и н. Да. Знаю.

Логинов. Это дочь моего приятеля. И что же, она тоже здесь... в этом доме?

Рябинин. Да, здесь. Вы хотите видеть ее?

Логинов (*испуганно*). Нет, нет! Это не нужно. Просто так, к слову... Шел мимо... Я могу скомпрометировать юную революционерку...

Рябинин. Нет. Отчего же?

Логинов. Да? (*Смотрит на него, внезапно.*) Этой ночью вы... грабили... Простите, у вас это называется реквизицией... Да, так вот... И мне говорят: ваша дочь, то есть дочь вашего приятеля, с наганом в руках врывалась ночью в квартиры мирных горожан...

Рябинин (*вспыхнув*). Буржуазию мы в эту ночь трогали, а не мирных горожан. Они вещи гноят, а боец на фронте разут-раздет.

Логинов (*не слушая*). Непостижимо! Моя дочь! Откуда в ней это? Эта жестокость, этот робеспьеризм... Я знал ее чистой, тихой девочкой! (*Смотрит на Рябинина.*) Постойте... постойте... Ваше лицо мне знакомо... Ах, стар, забывчив стал. (*Глядит на его костыли.*) Вероятно, вы лежали у меня в госпитале...

Рябинин. Если вы отец Наташи Логиновой, так я лежал у вас дома.

Логинов (*поражаясь*). Вы? Это вы?.. Да, да... (*Всматриваясь.*) Узнаю: Азия... (*Сердито.*) Что же вы, батенька, как Подколесин, в окно? Женить ведь вас никто не собирался.

Рябинин (*виновато*). Нельзя мне было

в ту пору лежать. Вот и она не понимает... Сердится...

Логинов. Куда же вы ринулись... через окно? Куда вы делись?

Рябинин. В подполье.

Логинов. Не понимаю. Как же вы нашли его... в чужом городе?

Рябинин (*озадаченно*). А так... чутьем...

Пауза.

Логинов. Значит, это к вам ушла моя Наташа?

Рябинин (*смущенно*). Нет, не ко мне. Она в комсомол ушла.

Пауза.

Логинов (*резко*). Но это вы... живете... с моей бывшей дочерью?

Рябинин (*вспыхнув*). Нет!

Логинов. М-да... Я грубо спросил. Вы правы... Простите. Но вы любите ее?..

Пауза.

Рябинин (*тихо*). Люблю.

Логинов. И она вас?

Рябинин. Она — нет... (*Грустно усмехнувшись*.) Меня любить не за что...

Логинов. Вы думаете? (*Смотрит на него*.) Да, лоб... скулы. (*Насмешливо*.) Вы некрасивы, мой бедный друг, не утаю. (*Вдруг горячо*.) Но Наташа не может полюбить только за красоту. Она моя дочь. Душу! Нам, Логиновым, подавайте душу!

Рябинин. У меня душа... обыкновенная... серая...

Логинов. Серая. Да, серая... *(Качает головой.)* Великая серость пришла в мир! *(Вдруг удивленно.)* Послушайте, а вы любопытный молодой человек! Как вы сказали? «У меня душа серая...» Вы ведь сами так сказали?

Рябинин. Я правду сказал.

Логинов. Вы загадочное племя, бог вас знает, а я старею... *(Устало.)* А я старею... Впрочем, вы не говорите ей, что видели меня. Она разбила наши сердца... Ну, это ничего, это пустяки... И лишила меня покоя... но это... это пустяки... ерунда... Подумаешь! Но она опозорила мое имя, имя Логиновых... Впрочем, и это тоже ерунда... неважно... Вы, пожалуй, не говорите ей, что встретили меня. Да, да... не говорите. Зачем? Неблагодарность детей — судьба родителей. *(Помолчав.)* Не дай вам бог, молодой человек, быть отцом в смутное время. *(Уходит.)*

З а н а в е с.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зал особняка. Теперь это общежитие. Стоят койки. Посредине длинный обеденный стол. Наташа играет на пианино. Даша шьет. Мадам Обломок режет хлеб.

Д а ш а. Вы были замужем, тетя Дуня?

М а д а м О б л о м о к. Нет! Я барышня. Свагался за меня хороший человек, женской ее величества государыни-императрицы Александры

Федоровны прогимназии швейцар. Вдовый и непьющий. Я ведь раньше сама собой ровенькая была. Но погубила мою жизнь благодетельница моя Олимпиада Титовна. Не позволила. А я изпод их воли не выходила. Раба. Так и вся жизнь прошла... *(Начинает накрывать стол.)* Да... Меньше двадцати персон за стол не сажались... Скатерти крахмальные. *(Расстилает старые газеты.)* Приборы серебряные. *(Кладет деревянные ложки.)* Посуда — чистый хрусталь. *(Ставит миски.)* И кушаньям — числа нет... Цветы в великолепных вазах. Красота такая!.. Ах... ах... *(Задумывается.)* Да, на многих балах я была, да все-то балы чужие. Чужих барышень замуж выдавала, чужих детей в купели таскала. Лакейка! А вам — нет! Вам я слуга. Вы мне к жизни звук дали! Вам я верой и правдой... Да! *(Раскладывает хлеб подле тарелок, приговаривая.)* Даше, Бориске, Антоше, Очкарю, Федюше, Степе, Наташеньке, мне... *(К Даше.)* Дашенька! Подсоби мне с супом. *(Выходит с Дашей.)*

Входит Рябинин.

Рябинин. Наташа!

Наташа *(обернувшись)*. Это ты, Степан? Что нового?

Рябинин. Плохие новости... На юге фронт прорван, Наташа.

Наташа. Неужели так плохо? Не может быть... Может быть, еще можно отстоять?

Рябинин. Может быть... Сейчас еще две роты комсомольцев бросили. Антон провожает... (После паузы.) Я сейчас твоего отца встретил... Убивается...

Наташа вздрогнула; опустила голову, молчит.

Рябинин (нерешительно). Ты бы вернулась, Наташа. А? Все одно мы уходим...

Наташа (кусая губы). Хорошо. Я вернусь... Зачем же? Вы уходите, а я... останусь... буду через окошко смотреть?..

Рябинин. Так ведь я... я... потому только, что твой старик плох. Жалко...

Наташа. Ну да! Ты добрый. А я жестокая, злая... Только знаешь, добрым легко быть, а жестокой...

Рябинин (тихо). Наташа!

Наташа. Ты думаешь, я от отца ушла? Я от самой себя ушла, от всего этого кисейного мира... И я выдавливаю его из себя. А ты меня туда обратно гонишь...

Рябинин. Я ж тебя не гоню, Наташа!

Наташа (не слушая). Когда я уходила из дому, собирала вещи... все эти безделушки, тряпки... стало мне вдруг так жалко, так жалко их! Альбомчик с глупыми стихами: «Ты прекрасна, точно роза, только разница одна: роза вянет от мороза, твоя прелесть — никогда». Потом слоненок, розовый такой... Знаешь, амулет, помогает на экзаменах. И нахлынуло! Балы гимназические... Сладкие тревоги... Замирание серд-

ца... *(Резко.)* Я все бросила! Я не вернусь назад!

Входит Антон, а за ним Очкарь ~~и Борте.~~

Антон *(с порога)*. Чертовски устал, чертовски голоден. *(Замечает взволнованные лица Наташи и Рябинина. Хмурится.)* Что это тут у вас?..

Наташа. Ничего... Маленькая дискуссия...

Антон. Делать вам нечего!.. *(Улыбается.)* А я сейчас две роты на фронт проводил. Что за ребята! С песнями в эшелон сели. С песнями и уехали...

Очкарь. Да, энтузиазм, не поддающийся описанию...

Антон. Ну вот, остатки подскребем, а там... безумству храбрых поем мы песню... и сами на фронт, всем горкоком. Поедем, Наташа, а?

Наташа *(улыбаясь)*. Поедем. Только меня вот Рябинин не пускает.

Антон *(нахмурясь)*. То есть как не пускает? По какому праву? *(Следит за Рябининым тяжелым, злым взглядом.)*

Рябинин пожимает плечами и отходит к окну. Входит Федька, он в рабочей спецовке.

Федька. Здорово, орлы!

Антон *(оборачиваясь)*. А, Федя! Как бронепоезд?

Федька. Две недели даешь мне еще?

Антон. Нет у нас двух недель, Федя. Через две недели... *(Грустно свистит.)*

Федька. Ладно. Раньше сделаем. Какой

бронепоезд получается, ребята! Какой бронепоезд! Так бы и не слезал с него.

Антон. Ты и то не слезаешь! Сам, небось, и заклепки клепаешь? Так?

Федька *(смущенно)*. Ну, сам... А то кто ж?

Антон. А твое ли дело — заклепки?

Федька. Постой, а чье ж?

Антон. Твое дело — массой руководить! Понял? Ты комитетчик, вождь. Понял?

Федька. Какой я комитетчик, Антон? Какой я комитетчик? Я слесарь. Мне б паровозы делать. Мне б машины производить. Погоди, война кончится, я такой двигатель изобрету! *(Идет к раковине, моет руки.)* Необыкновенной мощи двигатель. Скорость быстрее самолета...

Антон *(смеясь)*. Изобретатель! *(Оглядывается.)* А что, кормить нас будут или нет? *(Кричит в дверь.)* Мадам Обломок!

Входит мадам Обломок и Даша с посудой.

Мадам Обломок. Чего кричишь? Надо порядок знать. *(Ставит посуду на стол.)*

Антон. Ну ладно, ладно... Вот дисциплина!

Федька. Евдокия Петровна! *(Улыбаясь, показывает вымытые руки.)*

Мадам Обломок *(торжественно, громко)*. Господа, прошу к столу!

Все шумно рассаживаются.

Даша *(указывая на ломоть хлеба, оставшийся на тарелке.)* Это Ефиму Иванову. Не пойму, где он мотается, шалопут...

Все едят.

Антон (*мечтательно*). К этому бы супу да хороший кусок мяса — цены бы супу не было.

Федька. Мясо! Какое оно бывает, мясо-то? Я уж забыл.

Очкарь. Мясо — это буржуазный пред-
рассудок. Миф. Его выдумали. Только пшено
реально. Оно — вот... (*Разглядывает сквозь
очки суп.*) Э-э... и пшено грозит стать мифом.
Я не вижу пшена!

~~Бурне.~~ Как называется этот суп, мадам
Обломок? Очень вкусный суп.

Наташа (*смеясь*). Это новости кулинарии:
жареная вода!

Мадам Обломок (*обиженно*). Надсмеш-
ки строить легко. Что даете — из того и варю.
(*Подымается с места и оскорбленная, ухо-
дит.*)

Антон (*кричит вслед*). Мадам Обломок!

Мадам Обломок (*обернувшись*). У меня
отец был Петр Федосенч! Пожарник.

Наташа (*виновато*). Евдокия Петровна!..
Голубушка!..

Антон. Евдокия Петровна!..

Мадам Обломок (*возвращается и са-
дится, очень огорченная*). Это что такое «жаре-
ная вода»? У нас с мадам Распоповой, если хо-
тите знать, графья обедали... и хвалили... И даже
околоточный надзиратель Павел Максимович, на
что был любитель покушать, и тот...

Антон. Ну, ну... Поехала в доисторический мир...

С шумом распахивается дверь. Входит высокий-рыхлый парень. Это Барыба. Он несет на плече Ефимчика, бережно опускает его на пол. Ефимчик весь в синяках и кровоподтеках. Все вскакивают с мест.

Даша (кричит). Господи, что с тобой? (Бросается к нему.)

Ефимчик. Ничего... это я... агитировал...

Барыба (вздыхая). Великий человек!

Даша (уводя Ефимчика в другую комнату). Иди уж, иди, агитатор... (Уходит.)

Антон. Где ж это его... разукрасили так?

Барыба (откашлявшись). В пекарне Машурьянца... У нас, стало быть... (Опять откашливается в руку.)

Антон. Как же он в пекарню попал?

Барыба (виновато). Я привел. Извиняюсь...

Антон. Ну, а ты кто? Откуда взялся?

Барыба. А я по улице шел. Вот как все дело, извиняюсь, и вышло. (Откашливается в руку. Молчит.)

Антон (ко всем). Поняли что-нибудь?

Все смеются.

Наташа. Нет, постойте... Сейчас мы всё узнаем. (К Барыбе, терпеливо.) Значит, вы по улице шли. А Ефимчик?

Барыба. А товарищ Ефимчик народу по карте объясняли. (После паузы, убежденно.) Великий человек!

Антон. Кто?

Барыба. Они! Товарищ Ефимчик!

Антон. Что ж он по карте объяснял?

Барыба. А все. Где фронт, где ихние, где наши. Очень правильно объясняли.

Антон. Да в пекарню-то он как попал?

Барыба. Это я. Извиняюсь! Конечно, кабы знал... *(Кашляет в руку.)* Я им говорю: вы б в нашу пекарню пришли, товарищ, объяснили, а то у нас, говорю, народ темный, а хозяин — лютый зверь! «Зверь, — говорит, — а вот мы ему когти-то обломаем!» Да... Смело так объясняют: «Обломаем!» *(Задумчиво.)* Великий человек...

Антон. Ну, а дальше что, дальше?

Барыба. Лучше б и не водил я их. *(Всхлипывает.)* Ведь до чего правильно все объясняли они... товарищ Ефимчик... Про нашу пекарню... «Вы, — говорит, — во мраке невежества, а кругом в мировом масштабе революция идет. А вы своего хозяина боитесь!» И кулаком сами машут. Аж заплакал я, так говорили красиво... *(Всхлипывает.)*

Очкарь. Это Ефимчик-то?

Барыба. Они. *(Глудумав.)* Великий человек! *(Помолчав.)* Ну, конечно, разве наш народ почувствует? Появляется тут хозяин... Машурьянец. Сволочь толстая.. Одному мигнул, другому шепнул. Мастера и взяли за товарища Ефимчика. *(Свирепеет.)* Ну, тут уж и я не стерпел. Такая некрасивая драка пошла, да уж извините великодушно, товарищи!

При последних словах ~~Барыба~~ из смежной комнаты выходят забинтованный Ефимчик и Даша.

Даша. Иди, иди, обедай, оратор.

Ефимчик. Обед? Хорошо! Садись, товарищ Барыба, давай пополам. (*Оба садятся за стол.*) Это все оттого вышло, что я слов иностранных мало знаю. Разве этот народ обыкновенными словами сагитируешь? А иностранных слов я знаю мало.

Очкарь. Ничего, Ефимчик. Я тебя этим словам подучу.

Антон. Вот война кончится, Ефимчик, и пойдешь, брат, учиться. И станешь ты, скажем... доктором. А?

Федька. Или инженером. Чего лучше!

~~Барыба~~. Или по коммерческой части... Ему больно подходит.

Очкарь. Интеллигентом будешь, Ефим Иванович. В галстук станешь ходить, и трость при тебе.

Ефимчик (*вскипев*). Да вы что, смеетесь надо мной? Как же доктором? Что я, беспартийный, что ли?..

~~Барыба~~ (*вздыхая*). Великий человек...

Антон (*смеясь*). Ну, не доктором... Ну, народным комиссаром. Можно?

Ефимчик (*успокаиваясь*). Народным комиссаром можно.

Даша. Сиди, сиди уж, ешь! Народный комиссар!

Все. Чай, чай, чай! (Колотят ладонями по столу.)

Мадам Обломок из большого чайника разливает чай.

Н а т а ш а (улыбаясь). А в самом деле, любопытно, что из Ефимчика выйдет? И из всех нас? Какими мы станем в будущем? А будущее? Какое оно? Вероятно, каждый представляет его по-своему... Я, например... я никак его не представляю... Что-то очень светлое, хорошее, а какое оно, не знаю. А ты как думаешь, Степан?

Р я б и н и н. Я фантазер плохой. Только я так думаю: кончится эта война — начнется другая...

Б о р и с. Другая? С кем же это еще?

Р я б и н и н. Не знаю... Но только еще много войн будет! Может, бескровные войны будут..

О ч к а р ь. Экономические...

Р я б и н и н. Только борьба всегда будет.

А н т о н. И так до конца?

Р я б и н и н. Да, до конца. Я на все войны контракт подписал.

Н а т а ш а. А счастье?

Р я б и н и н. В этом и есть счастье.

Пауза.

А н т о н. Нет, некрасиво ты жизнь рисуешь, Степан. Борьба? А во имя чего борьба? Будет борьба, будут и праздники. А я иначе себе будущее рисую. Замечательно красивой станет тогда жизнь на земле. И земля станет красивой,

покроется солнечными городами, садами, парками... Дворцы будут. Дворец науки. Дворец культуры. Дворец труда. Дворец принятия пищи. Безумству храбрых поем мы песню!

Мадам Обломов (восхищенно). Господи, дожить бы!

Федька. А заводы?

Антон. И заводы станут красивыми! Чистыми! Радостными! Вот я шахтер, а мечтаю я — станут мои черные шахты белыми!

Рябинин (насмешливо). И уголь станет белым!

Антон (яростно). В белых штреках будем мы с тобой добывать черный уголь, Рябинин. Белые штреки... Белые надшахтные здания... И раз уж на то пошло, сад возле самой шахты. И люди станут красивыми. Все юноши будут как... (оглядывает ребят) как... Да нет! Такой красоты парня нет еще среди нас. А все девушки будут красивыми... как Наташа!

Наташа (возмущенно). И ты? Вы все это говорите мне просто назло! Вот я возьму и срежу косы... прочь...

Антон. Ни за что! Что ты! Глупая! (Подходит к ней и говорит так, словно они одни.) Ты не подумай только, что я за красоту тебя люблю. Я б любил тебя и некрасивую. Я б любил тебя и больную. И если б умерла — мервую... Но только это очень хорошо получилось. что ты такая, да к тому ж еще и красивая... очень красивая... (Вдруг сообразив, что вокруг

много ребят, и заметив, что Наташи вся красная от смущения, он обводит всех глазами и смущенно улыбается.) Ну что ж! Ну вот! Я не таюсь... Я люблю Наташу а она меня. В общем мы... как это называется... ну, жених и невеста.

Общее изумление. Рябинин, побледнев, опускает голову.

Антон (после паузы). Все слышали? Вот ведь какое дело, товарищи!

Мадам Обломок. Господи! Свадьба! Свадьба!

Наташа убегает, мадам Обломок за ней. Долгая пауза.

Антон исподлобья оглядел всех и вышел. Молчание.

Федька (зло). Та-ак... сюрприз... А?.. На-цели время для любви...

~~Берис~~ (горячо). А ведь это измена, ребята, измена нашему делу. Ну, от Антона я не ожидал! Наташа — гимназистка, ей без любви невысказанно. А от Антона я не ожидал...

Федька. Враги под городом... республика в опасности... А они — любовь!

Очкарь. Д-да... Не время, не время...

Даша. Время не время — сердцу не за-кажешь...

Очкарь. Душа... Сердце... Любовь... Мы потихоньку скатились, друзья, в сферу метафизи-ки. Чорт подери, да комсомольцы мы еще или уж гимназисты?

Ефимчик (растерянно). Что ж это, трещит наша коммуна номер раз, а? Трещит?

Федька. Теперь им комнату надо отдельную дать. А если в поход тронемся, так особую карету. А там дети пойдут...

~~Борис~~ На бюро надо этот вопрос вынести. Это не частный вопрос, это дело принципиальное. Так, если все жениться начнут, так у нас не комсомол получится, а... тихое семейство.

Очкарь. Я согласен. Ставь вопрос на бюро, Рябинин!

Все оборачиваются к Рябинину. Он стоит бледный, крепко сжав костыли руками. Долгая пауза.

Рябинин (*медленно, трудно*). Ну что ж... Можно на бюро. Комнату? Комнату надо дать... отдельно. (*Улыбаясь*.) Вот у нас уж... и первая семья в комсомоле... образовалась. А любовь! Что ж любовь? Любовь делает человека чище, лучше. Без любви на смерть как пойдешь? Любовь силу дает. Наташа теперь... и Антон... они теперь, ребята, всех нас богаче и лучше. И драться они будут так... так... (*Неожиданно, со злостью*.) И я б сейчас драться пошел! Люто дрался бы я сейчас с беляками, кабы не костыли мои, проклятые костыли!..

З а н а в е с .

СЦЕНА ПЯТАЯ

В Е Д У Щ И Й (*перед занавесом*).

Отброшены костыли Рябинина. Готов бронепоезд Федьки. «Коммуна номер раз» в полном составе уходит на фронт.

Комсомольцы влились в отряд Ивана Егоровича Шороха, отца Ефимчика. Начинается боевая, походная жизнь...

Вместе со всей коммуной уходит на фронт и Наташа. На вокзале ее находит отец. Он пришел за ней. Он запрещает ей ехать с комсомольцами.

— В последний раз говорю с тобой, Наташа! Подумай. Выбери.

— Я выбрала, отец! — отвечает Наташа и бросается к бронепоезду.

С песней трогается поезд... «Коммуна номер раз» едет навстречу боям...

Поднимается занавес.

Зима 1919 года. Вьюга. Здание железнодорожной школы. Это штаб группы Шороха. Класс. Парты грудой сложены у стены. На стенах детские рисунки. Карта России. Доска с начерченными на ней задачами по геометрии и надпись мелом: «Коммуна номер раз». Столик штаба. На нем телефон. Кое-где оружие. У печки Даша возится над большим котлом. Наташа подходит к ней.

Н а т а ш а. Каша готова?

Д а ш а. По-моему, соли маловато. Попробуй!

Н а т а ш а (*пробуя*). Вкусно!

Д а ш а (*усмехнувшись*). Это я умею. Вот война кончится, буду я... бабушкой. Внучки спросят: «Бабушка, бабушка, а что ты делала в революцию?» А я, деточки, кашу варила... больше ничего и не делала.

Н а т а ш а (*улыбаясь*). А я раны перевязывала. А вот Антон из винтовки стрелял. Так все небольшое дело и делали, а получается огром-

ное... (*Засмеялась.*) Вот так и скажут бабушки своим внукам. (*Обнимает ее.*)

Быстро входит Шорох.

Шорох (*озабоченно*). Разведка все еще не вернулась?

Наташа. Нет, Иван Егорыч!

Даша. А каша готова!

Шорох (*невольно усмехнувшись*). Готова, говоришь? Ах, и мастерица ты кашу производить! И откуда это в женщине берется? От бога, что ли, или от природы? (*Нахмурившись*.) Держи кашу горячей. Разведчики вернутся, им потребуется. (*Выходит.*)

Наташа (*улыбаясь*). Вот он вошел и спросил: разведка не вернулась? И я ему тоже спокойно так: нет. Не вернулась разведка... (*Пауза.*) А ведь в разведке-то Антон... Антон...

Даша. И Рябинин... И Федя...

Долгая пауза.

Даша (*наклонившись к Наташе*). Они сидят теперь под огнем, Наташа! Скажи мне... только не обижайся. Ты очень любишь Антона?

Наташа (*смеясь*). Дурочка ты!.. (*Обняла ее.*) Очень!

Даша. А вот я не понимаю... Ну как это бывает? Как это любит один человек другого? Вот я их всех люблю. Всех одинаково: и Рябинина, и Федю, и Ефимчика.

Наташа. Это не то,

Д а ш а (огорченно). Я и сама знаю: не то. А иначе я любить не умею.

Н а т а ш а. Сумеешь, Даша, милая, сумеешь. *Прижимает ее к себе.*

Д а ш а. Ой, как у тебя сердце стучит!

Н а т а ш а (просто и гордо). Даша, я скоро буду матерью.

Д а ш а. Ой! Наташа!

Входит злой и замерзший Ефимчик с винтовкой

Е ф и м ч и к. Фу, чорт! Белогвардейский мороз, честное слово, безумству храбрых поем мы песню... Совсем замерз. *(Басом.)* Повар первого класса, обед готов?

Наташа и Даша шепчутся между собой и не отвечают ему.

Е ф и м ч и к (обиженно). Ну и пожалуиста! Ломаки! *(Берет миску, накладывает себе каши.)* Я не понимаю: и на кой чорт берут девчонок на войну? От них одно всеобщее неудобство. Что касается меня, то я на женский пол обычно плюю. *(Ест, искоса поглядывая на девчат. Небрежно.)* Между прочим... Я сейчас важный сон видел. Хотите, расскажу?

Д а ш а. Хорошо! На посту стоял и сон видел.

Е ф и м ч и к (смутившись). А может, то не сон был, а видение. *(Ему не терпится рассказать, и он, отбросив амбицию, начинает.)* Вот стою я на посту. Мороз. Устал я... И вдруг... Будто кто-то трясет меня за плечо. Я открываю глаза и вижу: Ленин! *(Сияя.)* Владимир Ильич!

Н а т а ш а. Ну и какой же он?

Е ф и м ч и к *(не замечая иронии)*. Вот такой же, как на портрете. Только в военном. Вот он смотрит на меня строго-строго и головой качает: «Нельзя, говорит, нельзя на посту спать, товарищ Ефимчик». А я говорю: «Я и не сплю, Владимир Ильич. Я только так... немножко». — «Устали вы, товарищ Ефимчик?» — «Нет, говорю, Владимир Ильич, ничего. Но немножко устал... И замерз...» — «А что, спрашивает, что вы сегодня ели, товарищ Ефимчик?» — «Каша, говорю, была, Владимир Ильич». — «А что, каша с маслом, товарищ Ефимчик?» — «Нет, говорю, Владимир Ильич, масла не было». — «Ну, ничего, товарищ Ефимчик, врагов разобьем, будет и каша и с маслом. И отдохнете вы тогда. И все мы отдохнем. А сейчас нельзя спать. Нельзя. Нельзя». И исчез. А я под дубом стою... *(После паузы.)* Вот какой политический сон! *(Небрежно.)* Конечно, его не вам, бабам, рассказывать, а товарищу Антону!

Д а ш а. Ты отцу расскажи. Он тебе закатит три наряда, чтобы не спал на посту.

Е ф и м ч и к. Дура!

Д а ш а *(заметив, что Наташа рассматривает что-то на стене)*. Что там, Наташа? *(Подходит к ней.)*

Н а т а ш а *(тепло)*. Рисунки... детские рисунки... *(Обе рассматривают рисунки.)* Боже, как странно! Неужели и моя в школу пойдет?

Д а ш а *(вздыхнув)*. Счастливая ты...

Ефимчик (*кончив есть*). Да... (*Потягивается.*) Что вы там все шепчетесь, секретничаете?.. (*Не получив ответа.*) Ну и не надо. Пожалуйста! Я скоро опять на пост пойду.

Наташа, накинув тулупчик, выходит.

Ефимчик (*скучая,¹ оглядывается, замечает карту*). Карта? (*Подходит к карте. Важно.*) Давно я чегой-то в карту не глядел. Ну, ну! (*Водит пальцем.*) Значит, так... Вот тут, значит, мы сейчас. А вот тут враги... И тут враги тоже... А тут Москва... Ой!..

Входит Шорох.

Шорох. Разведка не возвращалась?

Ефимчик (*у карты*). Нет. (*Испуганно.*) Батя!

Шорох. Чего тебе?

Ефимчик. Или сюда, батя! Скорей!

Шорох (*подойдя*). Ну?

Ефимчик (*сквозь слезы*). Что же это получается, батя? Тут Юденич, так? Тут Колчак. Тут Деникин. Тут... И выходит, от всей нашей красивой республики вот что осталось? Маленький кружок?.. Я рукой закрыть могу. (*Закрывает.*) Вот и вся республика. Батя, а?

Даша подходит к карте, смотрит.

Шорох (*усмехаясь*). Это не республика, сынок. Это пружина. Понял?

Ефимчик (*растерянно*). Пружина?

Шорох. Сжалась пружина... втугую. Что есть мочи... Да грянет миг, как развернется пружина...

жина, ка-ак ударит... (*За сценой цокот копыт, шум.*) Что там такое?

Д а ш а (*радостно*). Вернулись, Наташа!

Н а т а ш а (*из-за сцены*). Иду!

Вбегает весь окровавленный Р я б и н и н.

Р я б и н и н. Товарищ Шорох!

Ф е д я и Б о р и с вносят мертвого Анто́на.

Все снимают шапки.

Д а ш а. Анто́н!

Ш о р о х (*тихо*). Как это вышло?

Р я б и н и н (*тихо*). Напоролись на белых... Отходить было поздно... Приняли бой... Ну и... (*Указывает на Анто́на.*) Он, как герой, дрался!..

Н а т а ш а (*входит с вязанкой дров, замечает на полу Анто́на, наклоняется над ним*). Что же ты молчишь?.. Не дышишь, Анто́н?! Анто́н?! Анто́н?!

Е ф и м ч и к. Безумству храбрых поем мы песню!..

З а н а в е с.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

В Е Д У Щ И Й (*перед занавесом*).

Лето 1920 года. Город, в котором жили наши герои, — под властью врангелевцев. На всех перекрестках — повешенные рабочие. Черные, страшные дни...

— Господи! — молится мадам Обломок. — Пошли мир на землю!

Она распростерлась на полу в своей комнате и молится за «светлейшую княгиню Анастасию Кирилловну и за комсомолстку Наташу».

Здесь в полутемной дворницкой дома Логиновых происходят встречи наших героев. Мадам Обломов и сама не знает, что ее каморка стала местом подпольной явки. В подполье работает Степан Рябинин. Он случайно сталкивается здесь с Николаем Сергеевичем Логиновым. Острая, злая встреча.

— А-а! Так вот это кто! — кричит Логинов. — Это ты... ты... скуластый... Что ж ты кружишь здесь, как ястреб? У меня больше нет дочерей!

Кончается эта встреча неожиданно.

Не глядя на Рябинина, Логинов говорит вдруг:

— Если вы встретите Наташу... скажите ей... пусть приходит. Да. Мы поспорим с ней. Хорошо, я готов поспорить.

Он идет к дверям, старый, много передумавший и переоценивший за эти годы русский интеллигент.

— Пусть приходит! — говорит он еще раз.

Эти слова слышит Наташа. Она тут же, спрятавшись в чуланчике. Она пришла в город для встречи с Рябининым. Она принесла приказ. Наши войска готовы к удару по городу. Они ждут встречного восстания подпольщиков.

— Ты очень изменилась, Наташа, — взволнованно говорит ей Рябинин.

— Постарела?

— Да, старая-старая... — усмехается Степан. — И уже не девочка. Женщина.

— И даже мать.

— Кто же у тебя? Сын?

— Дочь... Аленушка...

— Дочь? Это хорошо... И даже завидно...

Я хотел бы увидеть вас обоих... Потом когда-нибудь... после войны... Мать и дочь! Мать в губкоме... Дочь в школе... Потом женихи пойдут, наряды...

— Не надо! — перебивает его Наташа. — Не надо о будущем. Так трудно сейчас мечтать о счастье. По-моему, ни одному поколению еще не выпадала такая трудная юность, как нам...

Но Рябинин хочет сказать ей о своем чувстве, в первый раз в жизни сказать...

— Может быть, не время сейчас... Но у нас всегда будет не время... Послушай, Наташа...

Его слова прерываются стуком в окошко. Пришли комсомольцы-подпольщики: Антип и Маруся. Рябинину так и не удалось сказать Наташе, что он ее любит.

С рассветом Наташа должна уйти из города, вернуться к нашим войскам и передать, что подпольный ревком готов к восстанию.

Провожать ее до реки идут комсомолка Маруся и мадам Обломок — «для маскировки»...

Поднимается занавес.

Тюрьма. Камера. На койке сидит Маруся. Она вся избитая, в крови. Около нее светится страшно возбужденная мадам Обломок.

Мадам Обломок. Кровь... В крови вся. Марусенька... За что они? За что?..

Маруся. Я не могу-у... когда бьют.

Мадам Обломок (*гневно*). Не имеют права! Не воровки мы!

Маруся. А Наташа! Что они делают с нею! (*Плачет.*) А она молчит... Страшно как!..

Мадам Обломок (*мечется*). Наташенька! Барышня-красавица. Дочь благородных родителей. Не смеют!..

Со звоном падает запор. Маруся вздрагивает и забивается в угол. Распахивается дверь, и в камеру бросают избитую и окровавленную Наташу.

Наташа (*слабым голосом*). Воды...

Мадам Обломок (*подавляя воду*). Мучители!.. Чего ж они хотят от тебя?

Маруся. Они хотят, чтобы мы сказали... Наташа! Скажи им хоть слово... хоть что-нибудь... Они замучат тебя.

Наташа. Душу не растопчут... (*Жестко.*) И ты им ничего не скажешь. Ни слова не скажешь ты. Слышишь? (*Маруся плачет.*) Бить тебя будут, а ты молчи. Слышишь, Маруся?

Маруся. Я не могу, когда бьют...

Наташа. Одно слово... и они повесят твоего Антона... и повесят Степана... И в город не войдут наши. И люди навеки останутся рабами из-за одного твоего слова, Маруся, слышишь? Они проклянут тебя!

Маруся (*в ужасе*). Наташа!

Мадам Обломок в это время стоит неподвижно, прислушиваясь к чему-то в себе. В ее сознании, очевидно, происходит очередное затмение.

Мадам Обломок (*исступленно*). Наташа! Спасай! Душу спасай!.. Душу... Вот, вот оно... Свершается. За грехи твои... Бога забыла... Отца отвергла... На закон руку подняла... На власть мятежница... Кайся!.. Последний час настал!

Наташа (*устало*). Мне не в чем каяться.

Мадам Обломок. Священника зови... Все грехи свои, все, что они требуют... все... все... со смирением... (*Наташа молчит.*) А-а! Не хочешь? Жестокосердуешь? Зачерствела в окаянстве своем? Не покоряешься? Так я сама... позову! (*Бросается к двери.*) Эй! Господа! Люди!

Наташа (*встала во весь рост. Ее глаза горят.*) Зови!

Маруся (*в ужасе*). Наташа!..

Наташа (*к мадам Обломок*). Зови! Священника, судей, палачей — всех зови... Пусть на твоих глазах бьют...

Мадам Обломок (*испуганно*). Наташенька!

Наташа. Пусть при тебе пытаются... жгут... Зови!

Мадам Обломок. Наташенька! (*Падает на колени перед ней.*)

Наташа. Я знаю, что грех, что долг. Умереть молча — долг... Слово обронить — подлость!

Маруся (*тихо подходит к ней*). Я буду молчать... Наташа!

Мадам Обломок. Господи, спаси сирот твоих...

Измученная Наташа медленно опускается на койку.
Пауза.

Маруся. Еще и жизни не было, как же умирать? Мы с Антоном так ни разу и не поцеловались. *(Печально улыбается.)* Он у меня... строгий... *(Вздыхает.)* Так теперь и... *(После паузы.)* Я позавчера его в саду ждала. Там есть такая аллея каштанов...

Наташа *(ласково)*. И беседка в конце...

Маруся. А ты и беседку знаешь?

Наташа. Знаю. Я все знаю..

Маруся *(вздыхая)*. А с, акаций уже все осыпалось... Позавчера я еще была вольной... Каштаны цвели... *(Тихо.)* Нас расстреляют?

Наташа. Нет. Повесят.

Маруся. Ой! *(Закрывает лицо руками.)*

Наташа. Маруся! Маруся! Маруся! *(Обнимает ее.)*

Маруся. Я за тебя буду держаться, Наташа... когда повесят нас... Ты сильная.

Наташа. Маруся, мы будем жить и думать — ты о своем Антоне, а я о своем. И голову, голову высоко... Как Софья Перовская. Чтобы все видели... как надо умирать...

Маруся. И Антон увидит?

Наташа. Да. А потом в город придут наши... И флаги над улицами...

Маруся. Антон речь скажет на площади...

И все девушки будут слушать его. А нас не будет. И он потом забудет меня...

Наташа. Кто умирает так, как мы, — того не забывают.

Пауза.

Мадам Обломок (*бормочет*). Господи... Да как же вы перед смертью.. Перед смертью такие?...

Наташа. Евдокия Петровна, вас выпустят. Зачем вы им? Вы выйдете на волю и отнесете мое письмо... Степану... Пусть отошлет Даше...

Мадам Обломок. Сделаю... Все сделаю...

Наташа. А если отберут... или потеряете... вы расскажете, что в письме было... (*Пауза*.) Это письмо Аленушке. (*Достает письмо из-под ножки койки.*) Слушайте внимательно. (*Читает.*)

«Дочь моя, моя Аленушка! Когда тебе исполнится семнадцать лет, ты прочтешь это письмо... И ты узнаешь, что твой отец пал в бою, а мать казнена. Но ты не заплачешь, как не плачу и я, которой осталось жить только до рассвета. Я уйду из жизни с сознанием исполненного долга. Я сделала мало, но я мало и жила на земле. Я не успела больше. И если б у меня была не одна жизнь, а десять, я все б их отдала так, как отдаю эту, единственную, не жалея. Я завещаю тебе, моя Аленушка, сделать все, чего я не успела сделать. Я завещаю тебе мою неистраченную любовь и неизрасходованную ненависть. Я завещаю тебе будущее. Идя на

смерть, я благословляю тебя на большую и гордую жизнь... (Пауза.) А ты будешь замечательно жить, моя девочка! Будь же достойна этой жизни, она оплачена кровью твоего отца... и твоей матери...»

Пауза. Маруся отбегает к окну и плачет. В окно ударил первый утренний луч.

Наташа (с досадой). Что же ты плачешь, Маруся? Разве так встречают последнее утро?

Маруся (сквозь слезы). Я уже не плачу!

Наташа (взволнованно). Смотри... Заря...

Маруся. Как флаги...

Наташа. Да... Через несколько дней будут красные флаги над городом... И все преобразится. Война кончится.

Маруся. Какой она будет... жизнь... без нас?

Наташа. Необыкновенно красивой! Люди будут красивые, чистые, благородные... И моя Аленушка... среди них... Они будут вспоминать нас... И петь наши песни... старые песни... (Поет очень тихо, задумчиво.)

Маруся плачет. Наташа крепко обнимает ее.

Наташа. Пой! (Поет громко.)

Маруся присоединяется к ней. Они поют полным голосом. Песня рвется в узкое решетчатое окно, и скоро ее подхватывает вся тюрьма. Все явственнее и громче доносится хор: «Вихри враждебные...» Внезапно с грохотом отворяется дверь. Сноп света от фонаря падает в камеру. Голос офицера с порога: «Логинова! Бровка! Выходи!»

Маруся (прижимается к Наташе). Уже?

Мадам Обломок (*бросается к дверям*).
Не имеете права! Не пушу!
Офицер (*строго*). Ну?
Наташа (*Марусе*). Идем! (*Медленно идет к выходу с Марусей*).

Маруся испуганно прижимается к Наташе. Та, почувствовав ее детское тело, выпрямляется, обнимает подругу и, высоко подняв голову, идет. Мадам Обломок ползет за ними на коленях и на лету ловит руку Наташи. Мощно гремит песня, которую поет тюрьма.

З а н а в е с .

ВЕДУЩИЙ (*перед занавесом*.)

Еще раз собирается вся вместе «Коммуна номер раз». Это происходит в Москве, на III съезде комсомола.

Здесь встречаются Рябинин, приехавший из Крыма, Федька — из Ростова, Даша — из деревни, Очкарь — из Харькова и товарищ Ефимчик — «делегат от самого себя».

Только Антона нет. И Наташи нет.

Комсомольцы тепло вспоминают их.

Выступает Ленин. Его знаменитая речь раздвигает горизонты перед комсомолом. Она определяет путь поколения революции и путь каждого из наших героев.

— С этого съезда мы и пошли в жизнь, — говорит полковник Рябинин.

Он закончил свой рассказ. Его жадно слушали девушки-комсомолки, и среди них Елена Логинова, дочь Наташи. Перед ними прошла

юность их отцов, замечательная юность поколения революции.

— Мы и не заметили, — усмехается Рябинин, — в суете да в работе, как молодость прошла. И стали мы солидными и важными... и висок в серебре. Но знаете, вот приходится мне часто встречаться с генералами, иногда и с наркомаами. Все народ государственный, обремененный заботами. А поговоришь с ним по душам... и видишь — наш старый комсомолец. Комсомольское не отмывается! Да, мы были неплохим поколением. Это я могу честно сказать.

— А мы будем поколением не хуже вашего, — взволнованно говорит Елена.

— Вам надо быть лучше нас. Вы знаете куда больше, чем мы в ваши годы знали. И потом вы жили в социализме, а мы... мы только мечтали о нем.

— Нам пора, — тихо напоминает Елена.

Все встают. Девушки-комсомолки берут свои вещевые мешки. Они готовы. В путь. В бой. На смерть. На подвиг.

Полковник Рябинин прощается с ними.

— Что ж мы прощаемся так? — говорит он. — Песню. Песню надо. И обязательно нашу... старую, комсомольскую.

Девушки тихо запевают «Молодую гвардию» и с нею идут навстречу своей истории...

К о н е ц.

11

11

Редактор *Б. Дьяков*
Подписано к печати 6-III 1944 г.
Л 3154. 1^{1/2}, печ. л. (1,1 уч.-изд. л.).
46000 зн. в печ. л. Тираж 50 000 экз.
Зак 194. Цена 75 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха
Энгельса, 46.

11